

Экзамены в университетах Российской империи в первой половине XIX в.

Е. Ю. Жарова

Статья поступила
в редакцию
в августе 2014 г.

Жарова Екатерина Юрьевна

кандидат биологических наук, независимый исследователь. E-mail: zharova_ekaterina@bk.ru

Аннотация. В первой половине XIX в. происходило становление университетской системы Российской империи, закончившееся в царствование императора Николая I. В частности, были разработаны правила проведения экзаменов, как вступительных, так и переводных и выпускных. Утвержденное в 1819 г. «Положение о присуждении ученых степеней», с которым связано внедрение курсовой системы обучения, окончательно оформившейся с принятием Устава 1835 г., закрепило связь получаемых ученых степеней действительного студента и кандидата с классами по Табелю о рангах. Если ранее экзамены ча-

сто были формальностью, то теперь успех или неуспех на итоговых испытаниях означал получение или неполучение ученой степени, дающей преимущества по службе. Возникшая в этот период система оценки знаний действовала впоследствии на протяжении долгого времени лишь с небольшими изменениями. В первые годы XIX в. в университетах не существовало унифицированной шкалы оценок, каждый профессор формировал собственные критерии оценки знаний студентов. В описываемый период была введена и получила широкое распространение 5-балльная система оценки знаний.

Ключевые слова: история образования, университеты Российской империи, Киевский университет, экзамены, система оценки знаний.

Основу будущей университетской системы в России заложили реформы начала царствования императора Александра I, благодаря которым появилась централизованная система управления высшим образованием во главе с Министерством народного просвещения. Тогда же к Московскому университету прибавились Харьковский, Казанский, Виленский, Дерптский, а чуть позднее и Санкт-Петербургский.

Согласно правилам поступления в университеты, закрепленным в Уставе 1804 г., будущие студенты должны были представить правлению свидетельство о поведении, прилежании и успехах в науках. Если они не обучались в гимназии, им предстояло выдержать испытания «в языках и начальных основаниях нуж-

ных наук»¹. Предварительные испытания, без указания предметов, предусмотрены и Уставом Виленского университета 1803 г.², и Правилами для учащихся Дерптского университета, в которых уточняется, что предварительный искус (tentamen) проводит декан философского отделения³.

Однако в действительности, поскольку желающих обучаться было мало, экзамены были, скорее, формальностью, а зачисляли будущих студентов в университеты еще подростками, особенно детей дворян. А. Ю. Андреев приводит воспоминания В. И. Лыкошина, поступившего в Московский университет в 1805 г.: «В назначенный день съехались к нам к обеду Профессора: Гейм, Баузе, Рейнгард, Маттеи и три или четыре других. <...> За десертом и распивая кофе профессора были так любезны, что предложили Моберу (губернеру Лыкошиных) сделать нам несколько вопросов; помню, что я довольно удачно отвечал, кто был Александр Македонский и как именуется столица Франции и т. п. Но брат Александр при первом сделанном ему вопросе заплакал. Этим кончился экзамен, по которому приняты мы были студентами, с правом носить шпагу; мне было 13, а брату 11 лет» [Андреев, 2000. С. 215].

Т. Ф. Степанов, поступавший в Харьковский университет в 1815 г., впоследствии вспоминал: «В это время экзамены для поступления были слабые, большей частью они состояли в испытании знания латинского языка и умения сочинять» [Зайцев и др., 2010. С. 40]. И. И. Боровиковский, учившийся в Харькове в начале 1820-х годов, писал, что весь приемный экзамен «состоял в переводе двух строчек с латинского» [Там же. С. 90]. Знание латыни было обязательно, так как многие профессора-иностранцы читали лекции на этом языке. Именно поэтому, например, в Московском университете обращали особое внимание экзаменаторов на знание будущими студентами латыни⁴. Особо оговорено требование знать латинский язык и в Правилах для допущения к слушанию лекций в Петербургском университете от 1820 г.⁵

Мало отличался от описанного выше и порядок приема вступительных экзаменов в Казанском университете, даже в начале 1830-х годов, о чем свидетельствовал его бывший студент Н. И. Мамаев: «Итак, экзамены мои кончились, и я поступил в университет, чего в то время легко было достигнуть, так как вступительные экзамены были более снисходительны, чем строги» [Багалей, Сумцов, Бузескул, 1905. С. 39].

¹ Полное собрание законов Российской империи. Т. XVIII. С. 581.

² Там же. С. 618.

³ Там же. С. 850.

⁴ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 461. Д. 13. Л. 228об.

⁵ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. I. 1802–1834. СПб., 1866. Стб. 403–405.

В Казани в начале XIX в. в молодой университет автоматически зачислили почти всех учеников старшего класса Казанской гимназии, поэтому в Казанском университете появилось деление студентов на младших, зачисленных из гимназии, и старших, поступавших самостоятельно. Относительно Харьковского университета известно, что «окончившие гимназию принимались сначала без экзамена; остальные подвергались предварительному испытанию в особом комитете. Впрочем, несколько позже вступительному экзамену стали подвергать и окончивших гимназии» [Багaley, Сумцов, Бузескул, 1905. С. 86]. Как указывает Д. И. Багaley, «главным образом от них требовались знание русской грамматики, географии, истории, а также начал логики и метафизики; затем достаточные сведения они должны были обнаружить по латинскому и по одному из новых языков (французскому или немецкому)» [Багaley, 1893–1898. С. 784]. Это был стандартный список предметов, в которых экзаменовали при поступлении. В качестве примера можно привести ведомости абитуриентов физико-математического факультета Казанского университета за 1824 г.:

«Сентября 10 дня 1824 года в физико-математическом отделении учинено было испытание просящимся в студенты по сему отделению Николаю Панютину и Федору Лакрееву-Панову, в присутствии ректора университета, декана и всех членов физико-математического отделения, при чем присутствовали для испытания: преподаватель Богословия, гг. профессора Городчининов, Сергеев, Булыгин и адъюнкт Полиновский, по экзамену оказалось, что

Николай Панютин:

- 1) Из Священной истории хорошо, Катехизис знает;
- 2) Из логики хорошо;
- 3) Из естественной истории средственно;
- 5) В математике хорошо;
- 6) В латинском языке довольно хорошо;
- 7) В истории и географии российской и всеобщей хорошо.

Федор Лакреев-Панов:

- 1) Из Священной истории Катехизис знает изрядно;
- 2) Из логики изрядный;
- 3) Из естественной истории средственно;
- 5) В математике хорошо;
- 6) В латинском языке оказал сведения изрядные;
- 7) В истории и географии российской и всеобщей сведения слабые.

Первого сразу допустили в студенты, второго — к слушанию лекций с тем, что буде в течение первой трети университет-

ских преподаваний сего года окажется успешным, то удостоить его тогда принятием в студенты»⁶.

Поступающих в студенты было крайне мало. Так, в 1825 г. на физико-математическом факультете Казанского университета учились всего 13 студентов⁷. Московский университет в 1826 г. окончили пять студентов физико-математического факультета⁸, тогда как в первые годы XIX в., судя по данным, приведенным А. Ю. Андреевым в книге «Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX в.», физико-математический факультет был самым многочисленным [Андреев, 2000. Приложение 3].

В первые годы XIX в. не существовало никаких узаконенных, регламентирующих шкалу оценок в университетах. С одной стороны, их отсутствие свидетельствовало о том, что система университетского образования Российской империи еще не сложилась, с другой — университетский Устав 1804 г. давал профессорам определенную свободу преподавания, основанную на предметной системе обучения. Дух университетской автономии, который нес в себе этот устав, накладывал определенный отпечаток и на учебный процесс. Каждый профессор формировал собственные методы обучения и критерии оценки знаний студентов. Поэтому в ведомостях об успеваемости этого времени невозможно проследить единую шкалу оценок, оценки были сугубо индивидуальными и весьма разнообразными: характеристика подбиралась к знаниям студента, а не знания загонялись в рамки определенной шкалы.

В многочисленных словесных характеристиках уровня знаний студентов можно было запутаться, так как профессора широко пользовались разными градациями одной и той же оценки, например «хорош», «очень хорош», «довольно хорош». И у каждого преподавателя существовала собственная шкала оценок, причем эти оценки не всегда применялись последовательно. Так, профессор философии Казанского университета А. С. Лубкин использовал довольно разнообразные эпитеты для оценки знаний своих слушателей: «прилежен», «прилежен довольно», «очень хорош», «средствен», «очень средствен», «нехуд», «нераден», «небезнадежен», «внимателен»⁹; «хорош», «очень хорош», «слушает», «числится», «изряден», «внимателен», «очень внимателен», «оказывает старание», «очень прилежен и старается», «хочет числиться», «не знаю, что о сем сказать»¹⁰; «внимает», «очень внимателен», «луч-

⁶ НА РТ. Ф. 977. Оп. ФМФ. Д. 119. Л. 1.

⁷ Там же. Д. 153. Л. 9.

⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 479. Л. 104об.

⁹ НА РТ. Ф. 977. Оп. ФМФ. Д. 278. Л. 2об.

¹⁰ Там же. Л. 142об.

ше прилежен», «не совсем», «внимателен»¹¹. В основном использовались краткие прилагательные — «хорош», «изряден», «средствен», «внимателен» с уточняющими наречиями.

Лишь в 1819 г. появилось «Начертание подробнейших правил, касательно испытаний в таких учебных заведениях, коих воспитанники при выпуске имеют право на получение классного чина», которое было составлено на основании ст. VIII Указа от 14 февраля 1818 г. «О высочайшем даровании преимуществ пансионам Московского университета и Главного педагогического института»¹². Согласно этому документу были приняты «четыре различные степени успехов, кои определяются баллами, означенными цифрами 1, 2, 3, 4»¹³. Таким образом, в университетах появилась унифицированная 4-балльная шкала оценок, которая применялась до введения 5-балльной шкалы после принятия Устава 1835 г. Но профессора все равно пользовались расширенной шкалой отметок, используя как знаки плюса и минуса, так и дробь $\frac{1}{2}$ и даже отметку 0¹⁴. Как свидетельствовал студент Казанского университета начала 1830-х годов, «отметка, или балл, как в успехах в науках, так и в поведении был следующий: 1 означало дурно, 2 — посредственно, 3 — хорошо, 4 — очень хорошо, 4+ — отлично» [Литературный сборник к 100-летию Императорского Казанского университета... С. 46].

Этот год, 1819-й, был также отмечен появлением «Положения о присуждении ученых степеней», с которым связано внедрение курсовой системы обучения в российских университетах [Андреев, 2009. С. 485], окончательно оформившейся с принятием Устава 1835 г. Именно Положение закрепило связь получаемых ученых степеней действительного студента и кандидата с классами по Табели о рангах, тем самым университеты оказались встроены в государственный аппарат. Если ранее экзамены годовые часто были формальностью, особенно для студентов своекоштных, то теперь успех или неуспех на экзамене был связан прежде всего с получением или неполучением ученой степени, дающей преимущества по службе. Широко известен отрывок из воспоминаний студента Московского университета Д. Н. Свербеева об экзаменах: «В 1815 г., по окончании лекций, я долго оставался весною в городе, почитая обязанностью ждать публичного университетского экзамена; настоящих серьезных испытаний тогда не было, и потому почти все мои товарищи разъехались. Торжественный экзамен перед самым актом происходил в собрании всего университета под председательством попечителя.

¹¹ НА РТ. Ф. 977. Оп. ФМФ. Д. 278. Л. 185об.

¹² ПСЗ. 1-е собрание. Т. XXXV (1818). СПб., 1830. С. 108–109.

¹³ ЭИА. Ф. 402. Оп. 4. Д. 356. Л. 46р.

¹⁴ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 493. Д. 1. Л. 4.

Публичный наш экзамен единственный, на котором я по неопытности почел нужным присутствовать, был совершенно бесполезен. Из весьма небольшой кучки студентов спрашивали немногих и не по всем кафедрам» [Зайончковский, Соколов, 1956. С. 19]. Такой же порядок, судя по всему, сохранялся и в 1820-е годы, о чем впоследствии вспоминал Н. И. Пирогов: «Экзаменов курсовых и полукурсовых не было. Были переключки по спискам на лекциях и репетиции, у иных профессоров и довольно часто; но все это делалось так себе, для очищения совести. Никто не заботился о результатах» [Там же. С. 26].

Однако ужесточения в университетах появились задолго до принятия Устава 1835 г., а именно после вступления на престол Николая I. Студент Харьковского университета 1823–1828 гг. Л. Ничпаевский считает водоразделом 1826 г.: ранее «студенты были предоставлены сами себе и пользовались полной свободой, на их занятия науками, исправное посещение лекций, отлучки из города никто не обращал внимания; равным образом никто из начальствующих не заботился: держал ли студент экзамен по истечении известного срока, выдержал ли экзамен удовлетворительно или нет? В те времена студенты оставались в университете по десяти и более лет; они посещали все факультеты и курсы, а чаще вовсе не ходили на лекции» [Зайцев и др., 2010. С. 59].

«Положение о присуждении ученых степеней» оказало влияние и на проведение экзаменов в университете. Так, после его принятия Совет Казанского университета 12 июня 1819 г. постановил «разделить испытание на два рода: для окончивших курс студентов и для продолжающих учение, предоставить отделениям в непродолжительном времени представить Совету свои предположения как в рассуждении способа сообразно высочайше утвержденным Правилам об испытаниях, так относительно времени сих экзаменов»¹⁵. На основании этого документа можно заключить, что ранее не существовало проводившихся отдельно друг от друга экзаменов выпускных и переходных.

В этом же деле сохранилось расписание выпускных экзаменов в 1819 г., включающее шесть предметов, которые студенты физико-математического отделения сдавали в течение двух дней, 25 и 26 июня: философия, чистая математика, прикладная математика, естественная история, физика, химия¹⁶, т. е. все специальные предметы, изучавшиеся студентами три года в университете. Всего же за все время обучения студенты изучали 15 предметов, в которых их оценивали для присвоения степени действительного студента или кандидата по новому Положению.

О том, как проходили переводные экзамены в первой четверти XIX в., можно судить по сохранившимся протоколам физико-

¹⁵ НА РТ. Ф. 977. Оп. ФМФ. Д. 52. Л. 1.

¹⁶ Там же. Л. 5об–6.

математического отделения Казанского университета за 1823 г. Тринадцатого июня был начат экзамен для студентов 1-го и 2-го курсов, или, как говорили тогда, 1-го и 2-го отделений: до 4 ½ часов пополудни было проведено испытание в физике, с 4 ½ до 6 часов пополудни того же дня производимо было испытание в чистой математике. На следующий день с 8 до 10 часов утра — прикладная математика, с 10 до 12 — химия, с 3 до 4 ½ часов — естественная история. Шестнадцатого июня с 11 ½ до 12 часов студенты сдавали гражданскую архитектуру. Кроме специальных предметов экзаменовались также по церковной истории, богословию и философии, российской словесности, латинскому языку, немецкому и/или французскому¹⁷. Предметов сдавали много, но нам сложно судить о строгости этих экзаменов, так как мемуаристы того времени об этом не упоминают. Даже о наиболее ответственном, итоговом экзамене они говорят вскользь: «кончил я курс университетского учения» [Зайцев и др., 2010. С. 42], тогда как позднее встречаются свидетельства сложности выпускных экзаменов: «Наконец кончились три года нашего учебного курса, и наступило время выходного экзамена. Это было весной 1835 г. <...> Приготовиться к этому экзамену был труд не легкий, потому что мы должны были отвечать на вопросы по предметам всех трех курсов» [Там же. С. 167].

Ужесточения в университетах коснулись и экзаменов вступительных. И. В. Зимин пишет, что семь обязательных вступительных экзаменов были введены в 1835 г. [Зимин, 2012. С. 83], однако такое же число экзаменов формально поступающие должны были сдавать и раньше — это были основные предметы гимназического курса, знание которых требовалось подтвердить. Вопрос состоял, скорее, в строгости вступительных экзаменов, которую автор связывает именно с введением Устава 1835 г. Подтверждение этому можно найти, например, в воспоминаниях Ф. И. Буслаева, поступавшего в Московский университет в 1834 г.: «Как раз с 1834 г. были назначены приемные экзамены строгие, и их требованиям не могли удовлетворить мои познания, полученные в пензенской 4-классной гимназии» [Емельянов, 1989. С. 200]. Он же описывает порядок вступительного экзамена того времени: в большой аудитории «экзаменующиеся разместились по лавкам, расставленным в несколько рядов против окон, а впереди на пустом пространстве стояло четыре или пять столиков в расстоянии один от другого, и за каждым по экзаменатору; они сидели задом к окнам» [Там же. С. 201].

Подобным же образом описывал ход вступительных экзаменов и С. Л. Геевский, который поступал в Харьковский университет в 1830 г. и сдавал французский, латинский, историю,

¹⁷ НА РТ. Ф. 977. Оп. ФМФ. Д. 102. Л. 2.

географию, Закон Божий, математику, физику, русский язык и словесность [Зайцев и др., 2010. С. 138] в большой университетской зале перед ареопагом профессоров. Впрочем, «нуль», полученный по математике, не помешал ему стать студентом. Особую строгость экзаменаторы проявлять не имели возможности, так как уровень познаний абитуриентов оставлял желать лучшего даже в середине 1830-х годов. Так, попечитель Московского учебного округа С. Г. Строганов в марте 1836 г. писал министру народного просвещения: «Объем преподавания в наших гимназиях не тот, какой полагает начальство. Только по мере лучшего обустройства всех частей в сих заведениях можно будет требовать применения изложенных для экзаменов правил. По сей причине средний вывод отметок познаний экзаменующихся, выражаемый цифрой 3, слишком высок. Судя по опыту бывших в прошлом, 1835 г. экзаменов, где из 200 кандидатов принято 134, не более 20 человек могли поступить в университет, ежели бы руководствоваться новыми правилами; да и из сего числа, я уверен, не оказалось бы и десяти кандидатов с достаточными сведениями в латинском языке. Впрочем, с каждым годом можно возвышать требования»¹⁸.

Правила для поступающих в университеты официально были опубликованы в 1837 г. В них было указано, что все поступающие должны выдержать испытание, лишь некоторые выпускники гимназий при отличном поведении и успехах в науках могут быть освобождены от него (об этом упоминалось и в ст. 91 Устава 1835 г.) по представлению попечителя и при одобрении министра¹⁹. В проекте Правил, сохранившемся в делах Московского университета, право освобождать от испытания предоставлялось попечителю, «смотря по степени доверенности, которую заслуживает гимназия в его мнении, порядком управления вообще и в особенности благоустройством учебной части»²⁰. Поскольку в окончательном варианте Правил для освобождения от вступительных экзаменов требуется одобрение министра, такое событие, очевидно, было маловероятным. Однако такие случаи все-таки были, и подтверждение можно найти у мемуаристов. Так, Н. Лукьянов, поступивший в Харьковский университет в 1840 г., благодаря полученной в гимназии серебряной медали был освобожден от вступительных экзаменов. Он вспоминал, что такая практика распространялась на всех медалистов [Зайцев и др., 2010. С. 256]. Освобождение от вступительных экзаменов в университет получали также окончившие с отличием 1-ю и 2-ю мо-

¹⁸ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 2. Л. 11об–12.

¹⁹ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. II. 1835–1849. СПб., 1867. Стб. 169.

²⁰ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 2. Л. 2.

сковские гимназии (узаконение от 10 апреля 1841 г.)²¹, тогда как окончившие гимназии с «неудовлетворительными успехами во все не допускались к принятию в университеты и лицеи» циркулярным предложением министра от 19 октября 1844 г.²²

Все меры, направленные на ужесточение экзаменов, были следствием курса министра С. С. Уварова, который вполне соответствовал целям, которые провозгласил еще в начале царствования Николай I (Высочайший рескрипт от 19 августа 1827 г. на имя министра народного просвещения, которым тогда был А. С. Шишков). С. В. Рождественский указывал, что университетская реформа 1835 г., по словам министра, преследовала две главные цели: «во-первых, возвысить университетское учение до рациональной формы и <...> воздвигнуть благоразумные преграды преждевременному вступлению в службу молодежи еще незрелой; во-вторых, привлечь в университеты детей высшего класса в Империи и положить конец превратному домашнему воспитанию их иностранцами» [Рождественский, 1902. С. 243–245]. Впоследствии Устав 1835 г., точнее, заданный им курс, был дополнен законодательными актами, призванными решить три главные задачи: 1) расширить круг преподаваемых предметов; 2) подготовить профессоров; 3) улучшить состав учащихся [Там же. С. 249]. Решению последней из трех поставленных министром народного просвещения С. С. Уваровым задач и должно было способствовать ужесточение экзаменов в университетах.

На вступительных экзаменах абитуриенты сдавали следующие предметы: Закон Божий, Священную и церковную историю; российскую грамматику, словесность и логику; языки — латинский, немецкий и французский; математику до конических сечений включительно; физику; географию и статистику; историю²³. Особо оговаривалось, что поступающие на словесное отделение обязаны сдавать греческий язык, им же облегчалась сдача математики, куда не включались конические сечения. Поступающие на другие факультеты также могли сдавать греческий, освобождаясь при этом от сдачи одного из новых языков — немецкого или французского. Правила для поступающих в университеты очень детально описывали процесс сдачи экзаменов, указывая, какие предметы следует сдавать письменно (словесность, иностранные языки и математику), какие — устно по билетам, а также закрепляли новую шкалу оценок, 6-балльную, в которой использовались только целые числа от 0 до 5, без дробей. Эти оценки означали соответственно «совершенное незнание, сла-

²¹ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. II. 1835–1849. Стб. 497.

²² Там же. Стб. 770.

²³ Там же. Стб. 171.

бые, посредственные, достаточные, хорошие, отличные сведения»²⁴. При этом скрупулезно описывалось, за какие именно знания следует ставить ту или иную отметку. Отметка 0 практически не использовалась, и шкала оценок фактически была 5-балльной. Такой порядок сдачи вступительных экзаменов продержался все время царствования императора Николая I. Поступавший в 1851 г. на медицинский факультет Московского университета И. М. Сеченов так описывал свои экзамены: «По истории экзаменовал Грановский: отвечал я, должно быть, неважно; экзаменатор все время молчал и поставил мне 4. По русскому языку требовалось написать сочинение на тему „Любовь к родителям“. Я написал о значении матери для Шиллера и Гете. Экзаменатором был Буслаев. Прочитав мое сочинение, он спросил меня, читал ли я Гете и Шиллера, и, получив удовлетворительный ответ, поставил мне 5. По математике экзаменовал профессор Зернов (отец теперешнего анатома). Помню, что я вытянул билет о подобии треугольников. <...> Из латыни заставили перевести несколько строчек из Саллюстия» [Емельянов, 1989. С. 285–286]. Наиболее полно процесс сдачи вступительных экзаменов описан у Ф. Н. Устрялова, поступавшего в Петербургский университет годом позже Сеченова, в 1852 г. [Устрялов, 1884. С. 584–586].

В царствование Николая Павловича помимо строго регламентированных правил вступительных экзаменов появились и правила переводных и выпускных экзаменов. Если в мемуарах более раннего периода мы находим свидетельства практически пренебрежительного отношения студентов и профессоров к переводным экзаменам, то при Николае ужесточение коснулось и этой сферы университетской жизни. Так, в Правилах для испытания обучающихся в Харьковском университете от 1839 г. указано, что ежегодно производятся курсовые экзамены из всех предметов пройденного курса (главные и вспомогательные), а выпускной экзамен — из главных предметов за все четыре года обучения²⁵. Впрочем, именно такой порядок и был принят после появления Положения о присуждении ученых степеней 1819 г.

Несколько иной порядок сдачи экзаменов действовал в Университете святого Владимира в Киеве, получившем свой особый устав в 1842 г. В нем министр народного просвещения С. С. Уваров попытался привить традиции немецких университетов, культивировавшиеся в Дерптском университете, который до конца XIX в., в сущности, был университетом немецким. В Университете святого Владимира ежегодные переводные экзамены были отменены, а окончательное испытание разделено на две части, первая из которых сдавалась после второго кур-

²⁴ Там же. Стб. 173.

²⁵ Там же. Стб. 399.

са, а вторая — после четвертого. Министр полагал «удобнейшим разделить испытание таким образом, чтобы первая половина обнимала все вспомогательные и посторонние предметы, положенные в каждом факультете, а другая — специальные»²⁶. Первоначально этот опыт был установлен на четыре года (в 1843 г.), но сохранился до принятия нового устава. Эксперимент с экзаменами переводными не коснулся экзаменов вступительных.

Профессор Киевского университета Н. Х. Бунге критиковал этот порядок, вспоминая, что «в течение четырехлетнего курса были только два периода усидчивой деятельности, и притом довольно кратковременные: перед экзаменами полукурсовыми и окончательными. Все остальное время обратилось в золотой, приятный досуг. Лекции оказывались, по большей части, бесполезными: стоило ли слушать то, что можно было выучить по тетрадкам? Общий уровень занятий и успехов значительно понизился. Сами студенты, оканчивающие курс, сознавались в этом, и многие из них вместе с некоторыми профессорами полагали спасение в курсовом испытании после первого года университетского учения»²⁷.

Кроме особого порядка сдачи экзаменов Киевский университет отличался от других шкалой оценок, принятой еще в первые годы его существования и сохранявшейся до 1860-х годов. Проект Правил для студентов 1838 г. предлагал следующую шкалу оценок: 4 — отличные успехи, 3 ½ — очень хорошие, 3 — хорошие, 2 ½ — достаточные, 2 — посредственные, 1 ½ — слабые, 1 — очень слабые²⁸. По сути, это была та же шкала от 0 до 5, применявшаяся в остальных русских университетах, однако использование дробей, запрещенное для других университетов, оказалось неожиданно легализовано в Университете святого Владимира.

Хотя и существовали отдельные университеты, которые имели особые правила сдачи экзаменов, в царствование императора Николая I завершилось (применительно к курсовой системе обучения) формирование университетской системы экзаменов — как вступительных, так и переводных и выпускных, — главной целью которой было повышение уровня подготовки абитуриентов и студентов. С этой же целью была введена и получила широкое распространение 5-балльная система оценки знаний. Цель в итоге была достигнута: об этом можно судить на том основании, что университеты сыграли в 1840-е годы важнейшую роль в развитии отечественной науки и культуры. Нельзя не согласиться с Ф. А. Петровым в том, что «ни до, ни после этого университеты не имели такого влияния на умы и души россиян» [Петров,

²⁶ ГА г. Киева. Ф. 16. Оп. 281. Д. 171. Л. 9об.

²⁷ Институт Рукописи НБУ им. В. И. Вернадского. Ф. VIII 543/284. Л. 31об.

²⁸ ГА г. Киева. Ф. 16. Оп. 275. Д. 219. Л. 26об.

2003. С. 236]. Обновленным университетам принадлежит большая заслуга в подготовке плеяды выдающихся деятелей, которых мы знаем теперь как «людей 40-х годов».

Литература

1. Андреев А. Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX в. М.: Языки русской культуры, 2000.
2. Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009.
3. Багалея Д. И. Опыт истории Харьковского университета. Харьков, 1893–1898. Т. 1.
4. Багалея Д., Сумцов М., Бузескул В. Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования. Харьков, 1905.
5. Емельянов (сост.) Московский университет в воспоминаниях современников. М.: Современник, 1989.
6. Зайончковский П. А., Соколов А. Н. (ред.) Московский университет в воспоминаниях современников. М.: Изд-во МГУ, 1956.
7. Зайцев Б. П., Иващенко В. Ю., Кадеев В. І. та ін. (уклад.) Харківський університет XIX — початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців. Харків: Сага, 2010. Т. 1.
8. Зимин И. В. К истории вступительных экзаменов, или В вуз по ЕГЭ... // История в подробностях. 2012. № 9. С. 82–85.
9. Литературный сборник к 100-летию Императорского Казанского университета. Былое из университетской жизни. Казань, 1904.
10. Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России. М.: Изд-во МГУ, 2003. Т. 4. Ч. 2.
11. Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902.
12. Устрялов Ф. Н. Воспоминания о Петербургском университете в 1852–1856 годах // Исторический вестник. 1884. Т. 16. № 6. С. 578–604.

Examinations in Universities of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century

Authors **Ekaterina Zharova**

Candidate of Sciences in Biology, Independent Researcher. E-mail: zharova_ekaterina@bk.ru

Abstract The first half of the 19th century witnessed the evolution of the university system in the Russian Empire, which ended in the reign of Nicholas I. Particularly, rules of organizing entrance, transfer and final examinations were developed. The Decree of 1819 on Awarding Academic Degrees consolidated the correlation between the academic degrees awarded to students and candidates and the grades of the Table of Ranks. (This Decree was also associated with introduction of course-based learning, which was later affirmed by the Decree of 1835.) While examinations had been a mere formality prior to this consolidation, from that moment success or failure in an exam meant earning or losing the degree that provided employment benefits. The system of student performance assessment that had been formed at that point was valid throughout a long period of time with minor changes only. Universities didn't have any unified assessment system in the very beginning of the 19th century, so each professor would develop their own learning and student performance assessment criteria, giving marks depending on each specific student's performance instead of boxing performance into a strict pattern of marks. It was then that the five-grade assessment scale was introduced and gained wide practice.

Keywords history of education, universities of the Russian Empire, University of Kyiv, examinations, student performance assessment system.

- References**
- Andreev A. (2000) *Moskovsky universitet v obshchestvennoy i kulturnoy zhizni Rossii nachala XIX veka* [Moscow University in Public and Cultural Life of Russia in the Early 19th Century]. Moscow: Yazyki russkoy kultury.
- Andreev A. (2009) *Rossiyskie universitety XVIII — pervoy poloviny XIX veka v kontekste universitetskoy istorii Yevropy* [Russian Universities of the 18th — First Half of the 19th Centuries in the Context of European University History]. Moscow: Znak.
- Bagaley D. (1893–1898) *Opyt istorii Kharkovskogo universiteta* [Historical Experience of Kharkov University]. Kharkov, vol. 1.
- Bagaley D., Sumtsov M., Buzeskul V. (1905) *Kratky ocherk istorii Kharkovskogo Universiteta za pervye sto let ego sushchestvovaniya* [A Short Summary of the First One Hundred Years of Kharkov University]. Kharkov.
- Emelyanov Y. (ed.) (1989) *Moskovsky universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Moscow University in the Memoirs of Contemporaries]. Moscow: Sovremennik.
- Kazan University (1904) *Literaturny sbornik k 100-letiyu Imperatorskogo Kazanskogo Universiteta. Byloye iz universitetskoy zhizni* [Collection of Literary Oeuvres for the 100th Anniversary of Kazan Emperor University. University Life in Days of Yore]. Kazan.
- Petrov F. (2003) *Formirovanie sistemy universitetskogo obrazovaniya v Rossii* [Developing the System of University Education in Russia], Moscow: Moscow State University, vol. 4, part 2.
- Rozhdestvensky S. (1902) *Istorichesky obzor deyatelnosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya 1802–1902* [Historical Review of Performance of the Ministry of National Education. 1802–1902]. Saint Petersburg.

- Ustryalov F. (1884) Vospominaniya o Peterburgskom universitete v 1852–1856 godakh [Memories of Petersburg University in 1852–1856]. *Istoricheskiy vestnik*, vol. 16, no 6, pp. 578–604.
- Zayonchkovsky P., Sokolov A. (eds) (1956) *Moskovsky universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Moscow University in the Memoirs of Contemporaries]. Moscow: Moscow State University.
- Zaytsev B., Ivashchenko V., Kadeev V. et al. (eds) (2010) *Kharkivsky universitet XIX — pochatku XX stolittya r spogadakh yogo profesoriv ta vikhovantsiv* [Kharkov University in the 19th — Early 20th Centuries in the Memoirs of Professors and Graduates]. Kharkov, vol. 1 (in Ukrainian).
- Zimin I. (2012) K istorii vstupitelnykh ekzamenov, ili V vuz po YGE... [On the History of Entrance Examinations, or Using USE Scores to Enter a Higher Educational Institution]. *Istoriya v podrobnostyakh*, no 9, pp. 82–85.